

Нижегородцы встречают великого земляка

7 августа 1928 года.

С утра берег у служебного дебаркадера и прилегающая часть набережной были заполнены людьми. Свыше трех тысяч человек пришли встретить славного нижегородца, возвращавшегося после многолетней разлуки в родной город.

Толпами стояли волгари-грузчики, поджидавшие старого товарища по труду. Собрались нижегородские старики, чтобы первыми встретить почетного гражданина города. Пришла молодежь, чтобы впервые увидеть горячо любимого, всемирно известного писателя Максима Горького.

Десять часов утра. Причальный гудок сливается с гудом приветственных возгласов. Пароход «Плес» плавно пришвартовывается к причалу.

Секретарь Нижегородского губкома партии Андрей Александрович Жданов, заведующий отделом агитации и пропаганды губкома Александр Сергеевич Щербаков и другие спускаются по трапу в кают-компанию, где команда парохода прощалась со своим замечательным пассажиром.

Вот и он! Высокий, худощавый, сутулой. Вздвоннованно теревит колючий ус. Серый макинтош наспех накинута на одно плечо. Сдвинутая на ватылок белая кепка открывает густой серебристый ежик. Мягкий, ласковый бас. Классическое нижегородское оканье.

— Здравствуйте, товарищи! О-очень рад... Соскучился по Нижнему, давно и тяжело скучаю. Очень волнуясь... А вот это, — Горький укоризненно показал на многотысячную толпу встречающих, — это вы зря, ей-богу, зря! Сколько людей от дела оторвали не знаю чего ради.

— Поверьте, Алексей Максимович, — «справдывается» тов. Жданов, — мы тут не при чем, Никто их

Из блоннота журналиста

не отрывал, сами пришли. Любят вас, потому и пришли.

А. С. Щербаков спрашивает у Горького, сколько дней он намерен провести в Нижнем, что он хочет посмотреть.

— Все хочу видеть! Беда вот, времени маловато. Совсем мало. Дня два, от силы—три. В Москве много дела накопилось. Вот в Казани задержался. И из Нижнего, — улыбаясь, обреченно махнул рукой, — выдать не скоро выберешься...

На берегу, как только Алексей Максимович вступил на верхнюю ступеньку лестницы, он попал в объятия старого грузчика. Приземистый широченный в плечах, с непокрытой копной седых волос, он самозабвенно тоял руку писателя и любовно гладил его по плечу.

— Алексей помнишь бугровские пристани? Помнишь, Олеша!

Вздвоннованный широким прибоем любви и восторга, Горький всматривался в лица окружающих его людей, точно искал знакомые черты, стертые десятилетиями.

— Помню, помню... Здравствуйте... Щадя скромность писателя, тов. Щербаков очень коротко, в нескольких словах приветствовал от имени нижегородцев желанного гостя. Да и что мог оратор добавить к ярко выраженному чувству любви и уважения, которые светились в тысячах глаз.

Под радостные возгласы собравшихся Алексей Максимович поднялся на автомашину.

— Спасибо, товарищи! Спасибо, земляки. Балуete вы меня, балуete...

Что ж, ладно, постараюсь уплатить по этому векселю... Я еще не очень стар, я еще работоспособен, поработаем, поживем вместе... Трудно мне сейчас говорить, волнуясь... Спасибо вам!..

С трудом пробираясь по живому коридору, долго шла машина, сопровождаемая возгласами неподдельной любви тысяч людей, счастливых встречей со своим Максимом Горьким, с великим своим согражданином.

«НОВЫЙ МИР УЖЕ СТРОИТСЯ, ХОРОШО СТРОИТСЯ»

Вечером 7 августа Алексей Максимович выступал на торжественном заседании горсовета, состоявшемся в честь дорогого гостя в помещении драмтеатра. Начал с «извинения».

— Я оратор плохой, политических речей говорить не умею. Я вам лучше расскажу. Ведь я, по профессии рассказчик...

В манере Горького выступать перед аудиторией действительно мало было обычных ораторских приемов. Начать хотя бы с того, что он так и не воспользовался трибуной, а на протяжении целого часа вышагивал по сцене вдоль стола президиума.

В речи Алексея Максимовича не было общих мест и гладких фраз, которые проскальзывают мимо внимания слушателя, не задевая его, не вызывая никаких мыслей и эмоций. Каждое слово Горького казалось совершенно необходимым, оно занимало свое особое, именно ему предназначенное место в предложении. Алексей Максимович в совершенстве владел умением дополнить, пояснить какую-нибудь мысль красноречивой паузой, характерным жестом, гибкой интонацией.

Часовая речь действительно была

художественным, политически насыщенным рассказом об отравляющей лжи капиталистической прессы, об упадке духовной жизни буржуазии, о чудесах, творимых в стране Советов пришедшим к власти рабочим классом, о могуществе раскрепощенного человека.

— Поездил я по Союзу Советов, кое-что повидал. И говорю: есть в стране хозяин! Хороший хозяин! Я уже не назову его пролетариатом. Это не пролетариат, потому что в его руках фабрики и заводы, в его руках политическая власть. Это — рабочий класс, огромная творческая сила, направленная по прямой к определенной, ясно поставленной цели.

Алексей Максимович рассказывал много интересного об усиливающейся за рубежом классовой борьбе, о признаках кризиса капиталистической экономики, о международном значении успехов рабочего класса СССР, о вдохновляющем его примере для мирового пролетариата.

— Рабочий класс, который пришел к власти в Союзе Советов, стоит впереди трудящихся всего мира. Он в своей могущественной силе должен стоять очень прямо, он должен себя показать во всей мощи, во всем бесстрашии.

Бесстрашие рабочего класса СССР Горький иллюстрировал рассказом о Днепрострое и Баку, где он побывал незадолго до приезда в Н. Новгород.

— Поднять Днепр чуть ли не на 52 метра над его уровнем... И это делает народ, у которого нет денег, которому денег не дают и не дадут, потому что ждут, чтобы он пришел и поклонился. Но он не придет и не поклонится, это — дудки!

Это простецкое слово было произнесено с такой экспрессией, с таким уничтожающим вызовом тем, кто ждет от нас поклонов, что зрительный зал буквально дрогнул от зычных всплесков двух тысяч рук.

— В Баку раньше было 238 собственников. А теперь, всем сложным делом нефтедобычи руководят только два рабочих человека. И они сделали

столько, что ни одному из собственников и не снилось. И все это за шесть лет! Черт знает, как им это удалось — и не поймешь!

В конце своей речи Алексей Максимович «пожурил» одного из ораторов за то, что тот в своем выступлении много говорил о недостатках в работе нижегородцев.

— Недостатки, конечно, замалчивать не следует. Это верно. Я знаю, что вы на своих собраниях, в своей прессе делаете это очень охотно. Но гораздо важнее говорить о том, как вы создаете новый мир. Вы поете: «Мы наш, мы новый мир построим». Новый мир вами уже строится, хорошо строится. И это поможет вам легче освободиться от старых навыков, от старого мира, поможет шире взглянуть на ваш великий, умный, исторический труд.

«КУНАВИНСКИЙ ЖИТЕЛЬ»

На торжественном заседании горсовета Горький получил десятки приглашений, настойчивых, безотказных, на предприятия, в учебные заведения, в научные лаборатории. Он шуточно просил пошадлы, подсчитывал, что все эти приглашения задержат его в Нижнем дней на 30—40.

— Ну, Сормово — это не в счет. В Сормово приеду. Завтра же приеду. Сормово — это же... Сормово. И в Кунавине буду. Всенепременно. Как же, я ведь сам тамешный, кунавинский житель.

Алексей Максимович сам наметил себе маршрут на 8 августа. За день он решил побывать у сормовичей, на заводах «Двигатель революции» и «Красная Этна», на канавинском хлебозаводе и фабрике-кухне, на стройке Дворца культуры и на ярмарочной выставке госторга.

Эта напряженная программа зависела не только и не столько от большого числа приглашений, сколько от неутомимой жадности писателя от стремления как можно больше уви-

(Окончание на 4 стр.).

РАЗЫГРЫВАЮТСЯ:
в размере 25%,
в размере 50%,
в размере 100%,
в размере 200%

Нижегородцы встречают великого земляка

(Окончание. Начало на 3 стр.)

деть, как можно пристальней приглядеться к великим переменам в делах и людях его родного города.

На хлебозаводе Алексей Максимович долго стоял у тестомешалки и с увлечением смотрел, как механические руки-лопасти переворачивают многопудовое пшеничное месиво. Потом зашел в душевые кабины, даже кран повернул — проверить, действует ли душ.

— Да-а, ловко теперь у вас. Нам когда-то труднее было хлеба печь.

Молоденькая работница, трогательно маленькая рядом с громоздкой фигурой писателя, спрашивает его под одобрительный смех подруг:

— Где вам больше понравилось, товарищ Горький, у нас или в Казани у Семенова?

Алексей Максимович, положив обе руки на плечи девушки, отвечает:

— Если бы у Семенова в Казани было так, как здесь, я бы, пожалуй, на всю жизнь остался пекарем...

На «Двигателе революции» первым держал речь рабочий-комсомолец Г. Зиновьев. Он говорил о неисчерпаемой энергии рабочего класса, партии, комсомола, которые осуществляют и осуществят светлые мечты сормовича Павла Власова.

— Вот поглядите, Алексей Максимович, как мы работаем, каких мы себе «стальных рабов» — двигателей делаем. Конечно, Европа пока что лучше нас работает, но мы ее догоним и перегоним. А вы, Алексей Максимович, помогайте нам своим художественным словом, которое добавит нам бодрости и будет двигать на передовое устройство всей нашей жизни.

Горький поднялся на трибуну. Он оглядел окружившее его множество людей, таких же убежденных в своей правоте и силе, как этот молодой оратор. Поднял руку, чтобы утихомирить аплодисменты, затем опустил ее в карман, вынул платок и вытер бабежавшие слезы. Он долго не начинал свою речь. Мешало волнение, мешал взрыв восторженных возгласов тысяч людей, оценивших лучше всякой речи душевное состояние писателя.

— Замечательные вы люди! Черт его знает, какие замечательные! То, что вы делаете, то, что вы уже сделали — это так грандиозно, что у вас самих нет представления об этом. Вы сами не замечаете, не знаете своих заслуг перед пролетариатом всего мира. В нашей стране родились богатое сердце и богатый разум, которые влияют на весь мир. Запомните: больше гордости собой! Крепче чувствуйте свою силу!

Участники митинга единодушно приняли резолюцию. Она состояла из двух коротеньких пунктов:

«Поблагодарить Алексея Максимовича за приезд на наш завод и пожелать ему здравствовать много, много лет».

«Просить Алексея Максимовича, если позволит ему здоровье, приехать жить к нам в Россию навсегда».

Возвращаясь с «Двигателя революции», заехали на достраивавшийся тогда в Канавине Дворец культуры. Горький легко взбирался с этажа на этаж по узким настилам, заменявшим еще неготовые лестницы, ходил с шпором по лабиринту коридоров и внимательно слушал рассказ о будущих гостиницах, комнатах отдыха и театральных фойе.

— Хорошо! Хорошее дело! Богатое дело! Рабочему государству — рабочие дворцы. Умно и правильно.

В Сормове Алексей Максимович осмотрел паровозный, котельный и дизельный цехи. Поглощенный виденным, он молчаливо переходил от станка к станку, от агрегата к агрегату, нередко обмениваясь с рабочими короткими фразами.

Уставший от трудного дня, от множества впечатлений, от железного прохота цехов (а, может быть, от воспоминаний четвертьвековой давности, когда создавался роман «Мать»), Горький отдыхал, облокотившись на перила балкона заводоуправления. Этот же балкон служил трибуной состоявшегося позднее митинга.

Рассказав о международном политическом значении успехов рабочего класса страны Советов, поделившись впечатлениями, накопленными в поездке по Союзу, Алексей Максимович

На днях в нашу редакцию пришел персональный пенсионер С. К. Белов. У него сохранился редкий снимок, сделанный во время посещения Балахнинской электростанции А. М. Горьким, А. А. Ждановым и А. С. Щербаковым.

Публикуем этот снимок.

пожелал сормовичам плодотворной работы и новых трудовых побед.

— Перед вами теперь прямой путь к твердой цели. Не сворачивайте с него!.. Помните, вам надо культурно расти, развиваться, вам надо создавать рабочую высококвалифицированную интеллигенцию. Я уверен в вашей победе, товарищи!

На выставке Госторга Горький долго любовался мастерством народных художников Хохломы, Палеха, Мстеры и весело беседовал со стариком-палешанином.

— Вот, Алексей Максимович, извольте взглянуть на этот ларец. Узнаете?

Горький смотрит на сверкающий цветным лаком свой портрет девяти-десяти годов, где он изображен в широкополой шляпе и развевающимся плаще.

— Неужели я таким был? — Точь-в-точь таким, — безапелляционно заверяет старик. — У наших мастеров глаз безошибочный.

— А все же ошибся ваш мастер. У меня золотые усы никогда не росли, и не предвидится.

— Это не так понимать надо, Алексей Максимович. Мастер тут золотцем ударил не в изменение естества, а для возвышения личности Максима Горького. Вот как это понимать надо...

На обратном пути в машине Горький вспоминал палешанина.

— Умница, старикан! Такие вот ярославские и костромские говоруны-краснобай офенями по Руси ходили, большую культурную миссию выполняли...

«ТРУД — ИСТОЧНИК ВСЕХ РАДОСТЕЙ»

В ясное, солнечное утро 9 августа пароход «Клара Цеткин» отчалил от верхней пристани, взяв курс на Балахну.

Немногие часы этой поездки на всю жизнь сохраняются в памяти ее участников. На верхней палубе в плетеных креслах сидели несколько человек и зачарованно слушали Алексея Максимовича. Трепетная красота этого утра на облитой солнцем Волге настраивала его на лирический лад. Он рассказывал изумительные истории из своей изумительной жизни — о встречах с друзьями после многолетней разлуки, о том, что судьба делала с людьми и как люди распоряжались своей судьбой.

Было в рассказах Горького и знакомое по его произведениям, но обогащенное новыми красками, новыми подробностями, оно представляло как впервые услышанное, как вновь узнаваемое. Мы испытывали невыразимую радость от общения с этим умнейшим человеком, величайшим художником, искуснейшим рассказчиком.

Масштабы и сложность Бумстроя поразили Горького. Он шумно восхищался титанической работой мощных подъемников, транспортеров, размерами машин в бумажном зале — с

двухэтажный дом высотой и длиной в 110 метров. Речь его была взволнованна, он то и дело прибегал к сильным выражениям:

— Черт его знает, как это вам, нищим, отсталым, удастся строить такие махины! Поразительно, черт возьми!

Когда Алексей Максимович собрался уезжать на Нижграс и директор Бумстроя начал благодарить его за посещение, писатель весьма энергично прервал благодарственную речь:

— Чудной вы народ! Это я вас благодарить должен за то, что получил возможность видеть такое замечательное сооружение. Спасибо вам, товарищи! Очень многое мне у вас понравилось. Весной обязательно еще побываю у вас.

У проходной Нижграс Горького встретила группа рабочих, которые вручили ему, помимо букета цветов, приказ дирекции о зачислении в штат станции на должность почетного электромонтера и служебное удостоверение. Поблагодарив рабочих за высокую честь, Алексей Максимович шутиливо говорит своим спутникам:

— Вот у меня еще одна профессия прибавилась, третья по счету: маляр, писатель, электромонтер. Без работы не останусь...

С удивительной энергией Горький приступает к осмотру станции. Этот 60-летний человек уже много часов провел сегодня на ногах, исходил целые километры по корпусам и цехам, обливался потом в машинных отделениях и котельных. Но по-прежнему неутомим он в своей любознательности, по-прежнему безудержно в нем желание как можно больше видеть, знать, запечатлеть то новое, грандиозное, что происходит вокруг него.

— Я знаю, что такое труд, — сказал Алексей Максимович, прощаясь с энергетиками. — Это источник всех радостей, всего лучшего в мире. Никогда во всей истории человечества, никогда человеческие ум и воля не взлетали так высоко, как теперь у нас, в стране Советов. Будем верить, что рука, сделавшая все то, что я видел, будет и дальше творить и строить. А если кто-нибудь попытается остановить эту руку, она сожмется в кулак, который раздробит все, что будет стоять на его пути.

10 августа Алексей Максимович провел несколько часов в нижегородской радиолaborатории, затем встретился с коллективом редакции «Нижегородской коммуны» и членами литературной организации города.

Вечером того же дня нижегородцы провожали своего дорогого гостя, уезжавшего в Москву. В ответ на прощальные приветствия, Горький сказал провожающим:

— Я нашел ваш город после 20-летнего отсутствия еще более хорошим, чем он был раньше, а людей еще более милыми, а главное — молодыми. До свиданья, земляки мои! Спасибо за вашу любовь!

Мих. ПОЛОНСКИЙ.

Баллада о родине Горького

1.

Здесь он мальчишкой худеньким бродил,
Знал все сады, все улочки кривые,
Здесь он впервые плакал и любил
И понял слово — Родина! — впервые.
Вот здесь, у старых волжских пристаней,

Бывало, он простаивал подолгу,
Здесь в суতোлке пляшущих огней
Запомнил ту, что стала всех
родней —

Широкую дымящуюся Волгу.
Она не плеском ласковым своим
Баюкала взрослому сыну, —
Она тогда открыла перед ним
Рабочую, нагруженную спину;
Она частушкой, песенной строкой
Не раз своих хозяев проклинала,
Она ему под сенью пристанской
С глубокой материнской тоской
И о друзьях поведала немало.
А было их так много у реки!
Они здесь, у нужды в тяжелых

лапах,
Весь день таскали на горбу мешки
По ходуном ходящим
скользким трапам.

В них по душе все было
пареньку:
И их глаза и песни их живые.
И он до боли полюбил реку,
Где понял слово — Родина! —
впервые.

2.

Где б он ни жил, где б ни был
он потом,
Ему, как откровенье детства,
снилась

Та мать-река, в чьем лоне голубом
Почти что пол-России отразилось.
Как он ее любовью дорожил!
Путями каменистыми шагая,
Он верою и правдой ей служил,
Нигде и никогда не изменяя.
На Черном море, у прибрежных

скал,
Следя, как гордо реет буревестник,
Он волгарей-знакомцев вспоминал,
Мятежные для них слагая песни.
Под солнцем Капри,

в дальнем далеке,
Где так тоска по Родине щемяща,
Он все мечтал о Волге, о глотке
Ее воды родной, животворящей.
Любовь свою пронес он сквозь
лета!

Не зря ключом в чудесной прозе
била
Раздольных волжских песен
широта,

Тоска гармошки с дальнего плота
И волжская стремительная сила.
Не зря в местах, где он подолгу
жил

Вдали от края, сердцу дорогого,
Он по-сыновьи нежно сохранил
Ее простой и окаяющий говор.
Не зря, пройдя полтысячи дорог,
Он встречи с ней, как счастья,
дождался,

А встретясь, скрыть волнения
не мог —
К глазам дрожащий подносил
платок

И доброму улыбкой улыбался.

3.

Я знаю, что волжанам-землякам,
Потомкам тех, с кем он сдружился
с детства,
Хотелось бы, чтоб он приехал,
к нам,

Чтоб-мог сейчас на Волгу
наглядеться,
Чтоб вспомнил снова, как, бывало,
он

Стоял у этой пристани когда-то...
Как был бы он по-детски восхищен,
Вдруг посетив родимые пенаты!
Тем, что жар-птицы сказочной
сильней,

Весенним ясным солнышком
сгрета,
Летит у новых волжских пристаней
Стрелю белоснежная «Ракета».

Тем, что на волнах голубой реки
Так вольно нашей песне
на просторе,
Когда в ночи, как звездочки яркие,
Дробятся золотые огоньки
У молодого Горьковского моря.
Иное детство он бы здесь открыл,
Он пел бы наши песни и зоревые
Про милый край, где он когда-то
жил,
Где он впервые плакал и любил,
Где понял слово — Родина! —
впервые.

В. АВТОНОМОВ.